

Демократия с набором трудностей

Политика США на Ближнем Востоке

Валентин СТАРИЧЁНОК,
кандидат исторических
наук, доцент

Реализация запущенной западными странами, и прежде всего США, идеи созидания демократии сопровождается анархией и всплеском насилия, которые препятствуют как развитию демократии, так и формированию дееспособной и эффективной политической системы в целом. Наиболее значимым представляется феномен так называемой «арабской весны». Перекинувшаяся от Туниса к Египту, а затем и дальше волна антиправительственных выступлений охватила целый регион и смела ряд режимов в странах Ближнего Востока. В отдельных государствах волнения и беспорядки не утихают до сих пор. Идея свержения объявленных нелегитимными и коррумпированными правительств уже вышла за рамки Ближневосточного региона, породив политический кризис и войну в Украине.

Идея расширения демократии была запущена в оборот администрацией Б. Клинтона вскоре после завершения холодной войны. Следующая президентская администрация не отказалась от нее и, получив власть, объявила курс на модернизацию Ближнего Востока через его демократизацию. На официальном уровне об этом заговорили вскоре после вторжения в Ирак, а именно осенью 2003 года. В июне 2004 года на саммите «Большой восьмерки» была озвучена соответствующая декларация, имевшая весьма привлекательное название «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом «расширенного» Ближнего Востока и Северной Африки» [1, с. 72]. На наш взгляд, на повестку дня вопрос о строительстве демократии вынесла именно агрессия против Ирака. Поразительно, но в американском интел-

лектуальном и политическом истеблишменте, хотя и признавалась ошибочность вторжения, была взята линия на продолжение строительства демократий на Ближнем Востоке. По существу, именно эту установку развивал Б. Обама, свидетельством чему стали события «арабской весны». Разница была лишь в том, что вместо опоры на военную силу США стали ориентироваться на неудовлетворенные массы, недовольство которых подстигивалось умелой пропагандой через социальные сети.

Вернемся к вопросу об уроках, которые вынесли в США после иракской кампании, и о том, как было скорректировано видение внешней политики страны. Показательными являются две работы. Первую написал неоконсерватор Ф. Фукуяма, еще в 1998 году подписав обращение к тогдашнему президенту Б. Клинтону с призывом ужесточить политику по отношению к Ираку. Вторая принадлежит перу представительницы демократической партии М. Олбрайт, выступавшей против агрессии 2003 года. При всех отличиях взглядов в этих работах много общего.

Ф. Фукуяма в книге «Америка на распутье» неожиданно заявил о неопределенности концепции неоконсерватизма и отмежевался от его радикального крыла, представленного У. Кристолом и Р. Каганом. Свое видение внешней политики он

ОБ АВТОРЕ

СТАРИЧЁНОК Валентин Васильевич.

Родился в 1979 году в г. Минске. Окончил Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (2001), аспирантуру БГПУ (2007).

В 2001–2003 годах работал учителем истории в СШ № 131 г. Минска. С 2003 по 2004 год – преподаватель кафедры всеобщей истории БГПУ. С 2008 года – преподаватель, с октября 2010 года – доцент кафедры истории древних цивилизаций и средневековья БГПУ.

Кандидат исторических наук (2010), доцент (2012).

Автор 38 научных работ.

Сфера научных интересов: внешняя политика США после холодной войны.

обозначил термином «реалистическое вильсонянство». Считая демократию лучшей формой политического правления, американский мыслитель выразил уверенность в том, что она «станет всемирной в ходе долгого процесса». Но он осудил нападение на Ирак («война не имеет смысла»), назвал его несвоевременным и объявил, что насильственное установление демократии не даст положительного результата [2]. Эти утверждения выглядят странно, так как 20 сентября 2001 года он подписал обращение к президенту с требованием атаковать Ирак и, очевидно, был в числе сторонников нападения. Далее Ф. Фукуяма размышляет о допущенных Дж. Бушем ошибках, пытается объяснить, чем они вызваны и в какой-то степени оправдывает президента. Не удивительно, что книга вызвала раздражение в левом интеллектуальном сообществе. Ф. Фукуяму обвиняли в «причесывании» фактов и сглаживании своей позиции по Ираку. Его рассуждения о необходимости опираться на мягкую силу, больше обсуждать проблемы с союзниками, уважать международные институты историк П. Андерсон назвал «набившими оскомину трюизмами, встречающимися в передовицах всех «здравых» газет и журналов в Америке» [3, с. 255–256, 262]. И даже провал операции в Ираке не убедил Ф. Фукуяму в непродуктивности навязывания демократии. Вместо этого он сконцентрировал внимание на необходимости действовать путем создания демократических институтов в других странах [4]. Стоит ли говорить, что такая логика далеко не безобидна. Ведь, как легко предположить, созданию соответствующих институтов мешают нелегитимные правительства, а отсюда лишь шаг до пропаганды необходимости их ликвидации.

В 2006 году вышла книга М. Олбрайт «Религия и мировая политика». Не отрицая просчетов и ошибок, совершенных администрацией Дж. Буша, она пытается вернуть взаимопонимание между Европой и США, частично утраченное после вторжения в Ирак. Книга перенасыщена размышлениями о позитивности демократии, равенства и свободы, в том числе религиозной, о благородном стремлении Соединенных Штатов повсеместно распространить эти ценности, о справедливых и морально оправданных войнах, которые ведутся «ради защиты беззащитных». Бывший госсекретарь

пытается оправдать действия США сложностью выбора, непредвиденностью последствий, ограниченностью возможностей реализовать конкретные идеи на практике. Вторжение в Ирак она считает ошибкой по многим причинам. Во-первых, оно подорвало доверие к стране в мире и «углубило противоречия между мусульманским миром и Соединенными Штатами». Во-вторых, помешало США полностью сконцентрироваться на борьбе с терроризмом. В-третьих, продемонстрировало ограниченность возможностей сверхдержавы, у которой отсутствовал реальный план послевоенного устройства Ирака и которая не сумела восстановить в стране порядок. В-четвертых, результаты вторжения не компенсировали понесенные потери среди американских военнослужащих и финансовые затраты. Неприемлемой М. Олбрайт считала риторику Дж. Буша, больше напоминавшую «миссионерские проповеди», а не политический дискурс. Впрочем, перечисленные аргументы не помешали ей написать в заключительной части книги, что «Буш заслуживает всяческих похвал за то, что еще раз подтвердил: Америка – на переднем крае борьбы за продвижение демократии» [5, с. 327].

Отмечая факт отсутствия оружия массового поражения (ОМП) в Ираке, М. Олбрайт использует весьма осторожный дискурс и сглаживает наиболее острые моменты. Вспоминая выступление К. Пауэлла в ООН в феврале 2003 года, когда тот пытался убедить общественность, будто у Ирака все-таки есть ОМП, она констатирует, что К. Пауэлл был введен в заблуждение (работавшие на американскую разведку информаторы представили ложные данные) [5, с. 198–199] и президентская администрация сама была обманута. Как будто выступавший в ООН госсекретарь не видел шаткость своих доводов и не мог перепроверить информацию! Даже цитата министра обороны Д. Рамсфелда в изложении М. Олбрайт выглядит вполне безобидно: «отсутствие доказательств не является доказательством их отсутствия». Она утверждает, что скептически относится к проектам типа «Почему мы не можем жить дружно?» и совершенно правильно называет их «интеллектуальной сладкой ватой» [5, с. 318]. Однако ее опус является такой же «интеллектуальной сладкой

ватой», пережевывание которой вряд ли поможет реально решить те проблемы, которые были порождены действиями США.

Все государства, где Вашингтон после холодной войны строил демократию, превратились в страны третьего мира (или такими и остались) со слабой экономикой и низким уровнем жизни. Примеров тому предостаточно: Сомали, Гаити, Босния и Герцеговина, Югославия, Афганистан и Ирак. Достаточно посмотреть на индексы их экономического развития, чтобы понять – ощутимых благ в результате интервенций они не получили. Показательным является пример Гаити, где после операции США «Восстановление демократии» (1994) доходы населения стали составлять в среднем менее двух долларов в день; уровень неграмотности населения составил 75 %, безработица достигла 50 %; страну потрясли антиправительственные демонстрации, закончившиеся свержением в 2000 году ставленника Вашингтона Ж. Аристида [6].

В результате «арабской весны» также не появилось новых демократий, а произошла смена власти. Более того, перетасовка элит усилила радикальные элементы, в том числе «Аль-Каиду». Иракское общество в 2014 году вновь стала сотрясать война. Начало ей положила созданная «Аль-Каидой» группировка под названием «Исламское

государство Ирака и Леванта», вокруг которой сплотилось недовольное суннитское меньшинство. Как явствует из названия, она ставит целью создать независимое государство, прежде всего за счет территории Сирии и Ирака.

С точки зрения происходящих на Ближнем Востоке событий правильное использовать слово «демократизация» (а лучше попытка демократизации), обозначая этим процесс строительства демократии со всем набором трудностей, с которыми придется столкнуться при его осуществлении. В политическом же дискурсе используется номинализация, то есть процесс обозначается достигнутым состоянием, а именно словом демократия. В результате возникает противоречие. Ведь существует разница между уже созданным режимом и его строительством. В последнем случае проект может осуществиться, а может и не осуществиться. В таком контексте любого оппонента, выступающего против имеющих пагубный характер для страны преобразований, проводящихся под лозунгами формирования наилучшего политического строя, легко обвинить в том, что он его противник. На самом деле это не всегда так. Зато «апологет демократии» уходит от вопроса, кто ответит, если проект не реализуется или будет реализован не так. Вместо идеальной демократии (номинализация) мы часто наблюдаем длительные и трудные процессы, сопряженные с острыми социальными конфликтами (вплоть до гражданской войны) и завершающиеся установлением формы общественного устройства, не имеющей ничего общего с демократией. Иными словами, под лозунгами достижения благих целей высвобождаются не созидательные, а разрушительные и непредсказуемые силы, порождающие как минимум нестабильность, а то и хаос.

Что произошло в реальности в тех странах, где якобы началась демократизация? Везде прорисовывается один и тот же сценарий. На наш взгляд, впервые он реализовался во время войны в Боснии (1992–1995), хотя вряд ли его спланировали. Тогда были две воюющие группировки: сербы и боснийцы-мусульмане. Проблема заключалась в том, что более сильная сербская сторона, используя военную силу, могла быстро принудить боснийских мусульман сдаться. Международное сообщество так-

же было в состоянии применить силу и добиться удовлетворения требований боснийцев. Так или иначе, конфликт можно было решить быстро, четко определившись, какую сторону поддержать и, действуя решительно, прекратить начавшуюся войну. Вместо этого выбрали промежуточный вариант, который как бы уравнивал силы. Естественно, боснийцы, имея поддержку Запада, не сложили оружия. Это породило эскалацию насилия с обеих сторон, затяжную гражданскую войну и гибель более ста тысяч человек. Была искусственно создана такая ситуация, когда ни одна из воюющих сторон не могла добиться победы, что затягивало борьбу и сильнее раскалывало общество на две ненавидящие друг друга группы. Ни от сербов, ни от боснийцев уже ничего не зависело: конфликт был остановлен лишь волею внешних сил. Его можно было растянуть до бесконечности: достаточно только поддерживать одних и сдерживать других. В головах стратегов, наблюдавших за развитием событий в Боснии, не могла не возникнуть блестящая идея повторить опыт. Разве не заманчиво смоделировать аналогичный сценарий в других местах, будь то Сирия или Украина? Стоит лишь уравновесить силовые возможности двух конфликтующих групп, и получишь затяжное противостояние. Как говорится, «разделяй и властвуй!»

Ставший классикой афоризм «разделяй и властвуй» сам по себе не объясняет, почему неудачи в деле демократизации неевропейских стран повсеместно терпят крах. Для понимания того, почему отдельные процессы на Западе работают, а в других цивилизациях нет, требуется обратиться к истокам возникновения демократических ценностей в европейских государствах. В 1996 году вышла книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой в числе особенностей Запада автор выделяет плюрализм, то есть одновременное существование альтернативных мнений и каналов, через которые данные мнения можно выразить. Эти каналы не что иное, как сословно-представительные структуры и органы самоуправления, появившиеся в Европе в средние века и с тех пор не прекращавшие свою деятельность [7, с. 99–100].

Как известно, наличие альтернативных точек зрения порождает конфликты, лег-

ко перерастающие в столкновения и даже жесткое противоборство. Не удивительно, что решение проблемы социального конфликта и возможности совместного существования индивидов стало одной из ключевых задач философии Нового времени. «Человек человеку волк» – провозгласил английский мыслитель Т. Гоббс. Индивид абсолютно свободен и может делать все, что хочет. Если так, то возникает противоречие: один индивид неизбежно будет подавлять свободу другого и общество придет к состоянию «войны всех против всех». Но Т. Гоббс нашел простой выход. Он обнаружил инстанцию, которая сдержала бы агрессивные устремления каждого индивида и в рамках данного сообщества не допустила бы причинения вреда друг другу. Такой инстанцией является государство, представленное сувереном или монархом. Граждане заключают между собой соглашение (общественный договор) и жертвуют своей свободой в пользу суверена [8].

Государство гарантирует защиту своих подданных через обязательные для всех правила, то есть закон. В результате во всем, что не противозаконно, граждане имеют абсолютную свободу: «Свобода подданных заключается... лишь в тех вещах, которые суверен при регулировании их действия обошел молчанием» [8, с. 147]. «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах» – писал Ж.Ж. Руссо и объяснил, что с точки зрения общественного права это вполне легитимно – «человек отчуждает свою свободу для своей же пользы» [9, с. 152–153]. Совокупность организованных подобным образом свободных индивидов Гегель назвал «гражданским обществом». Веками в сознании западного человека культивировалось уважение к праву, а не к силе, к своим обязанностям по отношению к государству. Идеал буржуазного общества – это когда все его члены действуют в полном согласии с законом, а отклонения и нарушения закона воспринимаются как болезнь.

Итак, что мы видим? Во-первых, буржуазное общество (назовем его демократическим) немыслимо без постоянно сталкивающихся между собой альтернативных и взаимоисключающих взглядов. Во-вторых, в нем выработалось настолько сильное уважение к закону, что наличие различных взглядов не перерастает в социальный

конфликт. Выражение мнений происходит в форме диалога, а не физической борьбы. Каналами воспроизводства идей являются СМИ и политические институты, следовательно, правота доказывается в публичной сфере, а не на полях сражений. Граждане между собой не воюют, воюют только Государства – отмечал Руссо [9, с. 157–158]. Правящие элиты занимаются не поиском и репрессиями диссидентов, а пропагандой и формированием общественного мнения. Недаром С. Хантингтон с гордостью утверждает, что суть западной цивилизации – это Великая хартия вольностей 1215 года, ограничившая права короля в пользу его подданных [7, с. 77].

Немаловажными являются еще два обстоятельства. Во-первых, европейские буржуазные общества сформировались самостоятельно (без внешнего вмешательства), во-вторых, этот процесс занял столетия. В современном мире навязываемые извне процессы демократизации идут очень быстро – счет на десятилетия, если не года. Создавшие сами свои демократии государства имеют колоссальный опыт и знание техники функционирования демократических институтов. Но так ли они заинтересованы в создании внезападных аналогов демократии? Не скрываются ли за действиями Запада деструктивные намерения? Накоплено достаточно фактов, чтобы сказать: проявленное после холодной войны «участие» Запада не обязательно ведет к благосостоянию жителей других стран. Не забыли ли ревнители демократии

в Белом доме предостережение Ж.Ж. Руссо о том, что «мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытует предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать... если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал» [9, с. 182–183]. Располагают ли сегодня страны мусульманского мира и другие, где продвигаются идеи реформирования и модернизации, необходимыми для этого ресурсами? Впрочем, цитировать классиков эпохи Просвещения можно бесконечно.

Подведем итог. Какое общество может похвастаться традицией, уходящей в XIII век, философски осмысленной в XVII–XVIII веках, в полной мере реализованной после буржуазных революций? Ответ очевиден. Понятие общественного договора, на котором построено понимание демократии, есть продукт европейской цивилизации. Ж.Ж. Руссо много писал о соотношении частного и общего и предупреждал о возможности извращения общей воли и ее подмены личными интересами. Очевидно, заключение общественного договора и строительство демократии есть выражение общей воли, а не результат победы одних над другими. На наш взгляд, революции XXI века есть столкновение частных интересов и борьба за власть, в ходе которой подвергающийся манипуляции народ становится марионеткой, а его энергия направляется не на созидание, а на разрушение. Если так, то попытки демократизации будут перманентно неудачными. Копируя внешние элементы буржуазного общества, мы получим виртуальную демократию, симулякр, или фантом. Играя с некачественной копией копии демократии, имеющей размытые и нечеткие контуры, по навязанным извне правилам игры, система может «зависнуть». Перегрузившись, мы получим новый симулякр. И так до бесконечности. Поэтому созидать демократию следует, основываясь не на красивых лозунгах и субъективных желаниях отдельных индивидов, а на конструктивных и реально работающих проектах. К сожалению, события на Ближнем Востоке показали, что там был реализован проект, не имеющий ничего общего с реальной демократизацией, кроме красивого и многообещающего названия. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулов, Д.В. Политика США по управлению «расширенным» Ближним Востоком / Д.В. Сулов // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 4. – С. 72–89.
2. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2007. – 282 с.
3. Андерсон, П. Все там же. О Фрэнсисе Фукуяме и его «Америке на распутье» / П. Андерсон // Прогнозис. – 2006. – № 6. – С. 253–263.
4. Фукуяма, Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.
5. Олбрайт, М. Религия и мировая политика / М. Олбрайт; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс. – 2007. – 352 с.
6. Erikson, D.P. Haiti after Aristide: still on the brink / D.P. Erikson // Current history. – 2005. – Vol. 104, № 679. – P. 83–88.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
8. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.
9. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре / Ж.Ж. Руссо // Трактаты / Ж.Ж. Руссо; пер. с фр. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова. – М.: Наука, 1969. – С. 151–256.